This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PG3470
V4985
O5
1906

Vikhrov, A.

А. Вихровъ.

STANFORD
LIBRARIES

Opavshie lepestki

„Опавшіе лепестки".

48 р.

МОСКВА.
Типо-Литографія Д. В. Троицкаго, Большая Дмитровка, домъ Чуксиной.
1906.

Digitized by Google

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Digitized by Google

Собрано то, что осталось юношескаго въ черновыхъ тетрадяхъ. Переписано то, что покоилось между страницами греческихъ и латинскихъ упражненій, между различными математическими вычисленіями и замѣтками на разныя темы.

Многое уничтожено, многое роздано, многое стало достояніемъ огня, который съ удовольствіемъ поѣдаетъ каждое написанное слово. И то, что теперь готовится надѣть новую рубашку, могло бы тоже исчезнуть, какъ дымъ, если бы не любезность издательницы, предложившей для моихъ набросковъ печатный станокъ. Что же? Пусть юношескія мечты выйдутъ на свѣтъ, пусть онѣ взглянутъ на міръ Божій и встрѣтятся съ новыми людьми!

Посмотримъ, примутъ-ли ихъ, удостоятъ-ли ихъ благосклоннымъ вниманіемъ читатели, найдется-ли имъ хотя укромное мѣстечко на столѣ дѣвушки или молодого человѣка, скажутъ-ли имъ хотя одно привѣтливое слово?

Съ Богомъ, мои милыя юношескія мечты!

А ты, мой Добрый Геній, мой вдохновитель? Неужели ты и теперь останешься для меня только Беатриче?

А. В.
Москва
Августъ 1906 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Я люблю тебя, мой добрый геній,
Такъ люблю, какъ только я могу;
Ты—мой лучъ, ты—свѣточъ вдохновеній,
Солнце—ты и другу, и врагу.
Каждый день, какъ облачко въ лазури,
Ты плывешь, играя и смѣясь,
Каждый мигъ во мнѣ томятся бури,
Сердце плачетъ за тебя молясь.

---

*

Иногда великаномъ кажусь я себѣ,
И тебя я несу на рукахъ
По высокой горѣ, гдѣ блестятъ въ серебрѣ
Изумруды на снѣжныхъ поляхъ.
Тамъ гиганты сѣдые съ поднятой главой
Величаво взираютъ на міръ...
Тамъ орлы лишь порой, пролетаютъ стрѣлой,
Собираясь на царственный пиръ.
Тамъ, вѣнчая тебя королевой вершинъ,
Діадему тебѣ приношу...
И съ холодныхъ вершинъ въ царство шумныхъ долинъ,
Полный счастья тебя уношу.

---

*

Есть одно слово, старинное, древнее слово...
Всѣ племена въ лексиконы его записали;
Знали народы его до Рожденья Христова,
И по Рожденьи имъ жизнь и труды освящали.
Стало знакомо и мнѣ это древнее слово...
Смыслъ сокровенный открылся въ немъ съ дивною силой.
Рвется, какъ птица, оно къ своей родинѣ милой—
Въ сердце плѣнительной дѣвы изъ сердца роднова.

Digitized by Google

Пѣсня вакханки.

И, можетъ быть, подъ звуки сладкихъ пѣсенъ
Прекрасный міръ не станетъ больше тѣсенъ,
И ты, забывъ небесную любовь,
Горячей ласкою мою возволнуешь кровь.
И, можетъ быть, стѣснивъ въ груди дыханье,
Въ моей груди услышишь ликованье,
И тихо, голову склонивъ ко мнѣ на грудь,
Мнѣ скажешь: „милый другъ, сомнѣнье позабудь“...
О, сколько радости въ минутахъ этихъ будетъ!..
Мой милый другъ мечту свою забудетъ
И вспламенитъ огонь земной въ груди...
О, нѣжный другъ, приди, скорѣй приди!

---

*

Забыть мнѣ ее невозможно,
Любовь же страданья полна;
И сердце тоскуетъ и бьется тревожно,
Какъ бьется о камень волна.
Я жаждалъ любви, какъ ребенокъ;
Ее я люблю, какъ весну...
Но сердце тоскуетъ... Оно, какъ орленокъ,
Томится по волѣ въ плѣну.

Алмазъ.

Я вамъ дарю на память этотъ камень;
По *твердости* своей онъ не сравнимъ ни съ чѣмъ,
Въ шлифовкѣ искрится въ немъ *бриллiанта пламень*,
Въ *устойчивости* формъ незамѣнимъ ничѣмъ.
И съ Божествомъ любви онъ также сроденъ:
Химически онъ *чистъ* и *однороденъ*.
Осмѣлюсь думать я, что если бы вы взяли
Всѣхъ геніевъ, героевъ всей земли,
То по достоинству сравнить едва-ли
Ихъ качества съ алмазными могли.

Digitized by Google

*

Вамъ не понять моихъ душевныхъ мукъ,
Вамъ не понять больного настроенья,
Хотя, быть можетъ, Вы—мой лучшій другъ,
И въ Вашемъ сердцѣ капля утѣшенья.
Моя любовь страданія полна...
Въ груди темно, немолчно льются слезы,
И жизнь шумитъ, и пасмурныя грезы
Несутся съ ропотомъ, какъ за волной волна...

---

*

О родная, мать моя родная!
Ты больна, ты при смерти теперь...
Ты умрешь, но ты и умирая
Къ жизни новой открываешь дверь.
Взглядъ твой полонъ нѣги и участья,
Сердце полно жгучаго огня...
О, какъ близко ты была отъ счастья,
Сколько счастья было въ свѣтѣ дня!
Но собою жертвуя могилѣ,
Для дѣтей ты счастье сберегла,
Чтобъ въ огнѣ, чтобъ въ юношеской силѣ
Ихъ любовь живая расцвѣла.
Боль души и сила испытанья
Закалили новый жизни цвѣтъ;
Жизнь смѣнила въ жизни упованья,
И мечты для новой жизни нѣтъ.
О родная, мать моя родная!
Сердце болью, жалостью полно.
Но твое?.. Оно и умирая
Все стучитъ о радости оно.

---

*

Гдѣ она, моя звѣздочка ясная?
Гдѣ она, моя зоренька красная?
Гдѣ она, моя струйка сребристая?
Гдѣ она, моя птичка залетная?
Скрылась звѣздочка въ облакѣ пасмурномъ;
Скрылась зоренька въ ночи непрошенной;
Струйка снѣгомъ пушистымъ окутана;
Птичка въ теплыя страны умчалася.

Digitized by Google

Скучно молодцу жить безъ пристанища:
Сердце къ родинѣ рвется и просится.
Гдѣ жь пристанище, родина милая?
Въ сердцѣ трепетномъ птички—залетницы.

---

*

Пришелъ на могилу я къ милой своей:
Земля обвалилась и камень на ней;
Кой-гдѣ одуванчикъ и чертополохъ,
А въ ямѣ кустится мышиный горохъ.
И слезы сдавили мнѣ горло, и я
Упалъ на могилу, не помня себя...
И долго рыдалъ я, и слезы мои
Сочились на раны могильной земли.

---

*

Какъ чудный перлъ, какъ дивный цвѣтъ,
Храню въ груди я образъ твой,
И сколько-бъ я ни прожилъ лѣтъ,
Ты будешь жить всегда со мной.
Тебя, какъ солнце, полюбилъ,
Какъ первый свѣтлый майскій день,
Тобою жизнь озолотилъ
И разогналъ и мракъ, и тѣнь.
Гдѣ-бъ ни былъ я: въ глуши лѣсовъ,
Иль въ царствѣ холода и льда,
Иль въ темныхъ ходахъ рудниковъ,
Повсюду твой услышу зовъ
И за тобой пойду всегда.
О, свѣтлый ангелъ, свѣтлый лучъ!
Съ тобою жизнь моя свѣтла.
Я не пугаюсь темныхъ тучъ:
Въ нихъ жизнь, огонь и мощь орла.
О, какъ счастливъ я сталъ съ тобой,
И какъ прекрасенъ Божій міръ,
Когда предвѣстницей—судьбой
Мнѣ посланъ былъ любви кумиръ!
Въ тебѣ я Бога отыскалъ,

Digitized by Google

Въ тебѣ свою любовь нашелъ,
Къ тебѣ низринулся со скалъ,
Къ тебѣ мой гордый духъ пришелъ.
Не оттолкни, благослови
Пришельца чуждыхъ дальнихъ странъ...
Такъ чувства нѣжныя твои
Смирили грозный ураганъ.

---

*

Томимый жаждою, усталый и больной,
Ты одиноко странствуешь въ пустынѣ...
Ты былъ плѣненъ кометою одной,
И жизнь твоя въ плѣну отнынѣ...
Зачѣмъ въ пустыню, странникъ, ты бѣжалъ?
Зачѣмъ оставилъ кровъ, семью родную?
Тебя плѣнилъ небесный идеалъ...
Но зналъ-ли ты любовь... любовь земную?..

---

*

Пусть на сѣверѣ холодномъ
Нѣтъ растительности юга,
Пусть на пастбищѣ голодномъ
Рыщетъ злая вѣдьма вьюга,
Пусть тамъ льды гуляютъ въ морѣ,
Пусть морозъ смежаетъ очи,
Пусть стихіи въ вѣчномъ спорѣ
Изъ-за дня и за ночи,—
Но по немъ душа сгораетъ
Отъ любви и сладкой нѣги:
Ангелъ ночи призываетъ
Духъ мой въ царство ясной Веги.

---

*

Молитва.

Я каждый день теперь молюсь, мой милый другъ,
Молюсь съ слезами и тоской въ груди,—
Въ моей душѣ тревога и испугъ,
Тревога за тебя, мой милый, нѣжный другъ.

Digitized by Google

Твой образъ, какъ звѣзда, какъ Божество далекъ,
Прекрасенъ, какъ заря, сіяя въ вышинѣ;
Но, какъ душа, онъ такъ же одинокъ,
И къ счастью близокъ онъ и отъ него далекъ.
Я за тебя молюсь, и я тебѣ молюсь:
Ты—солнце дня, ты—Божество мое,
Въ тебѣ душа моя, къ тебѣ стремлюсь,
И о тебѣ, мой другъ, я горячо молюсь.

---

*

Гдѣ ты, звѣздочка полуночная?
Не видать тебя въ дни ненастные...
Скоро-ли тучи пройдутъ,
Скоро-ли окна лазурныя
Въ небѣ глубокомъ покажутся?
Гдѣ ты, пташечка голосистая?
Не слыхать тебя въ краѣ сѣверномъ...
Скоро-ль морозы пройдутъ,
Скоро-ли глазки анютины
Въ полѣ широкомъ покажутся?

---

*

Я живу одной мечтою...
Не боюсь грозы и грома;
Ты—со мною, я—съ тобою:
Наше счастье, другъ мой, дома.
Что намъ вѣтеръ и ненастье?
Пусть гуляютъ на просторѣ;
Мы вдвоемъ, и наше счастье
Въ нѣжномъ тихомъ разговорѣ.
Мы вдвоемъ—пусть злится вьюга,
Пусть бросаетъ хлопья снѣга;
Въ нашемъ сердцѣ солнце юга,
И изъ сердца льется нѣга.
Быть другъ съ другомъ наше счастье,
Насъ ничто не испугаетъ,
Въ нашемъ сердцѣ и въ ненастье
Солнце радость разливаетъ.

Digitized by Google

Борцамъ.

Спасибо, братцы! Вы дрались, какъ львы,
И въ вашей храбрости лежалъ залогъ побѣды,
Свой долгъ отважно выполнили вы,
И дѣломъ стала рѣчь воинственной бесѣды.
Спасибо, храбрые!... Вы доблестью сердца
Свои украсили, сражаясь съ чувствомъ долга.
Достойны вы лавроваго вѣнца,
И въ сердцѣ образъ вашъ останется надолго.

Послѣ первой весны

Такъ еще недавно, распѣвая пѣсни,
За сохой ходилъ я, боронилъ и сѣялъ...
А теперь тяжелый камень сердце давитъ,
Словно средь пшеницы выросъ страшный плевелъ.
Что такъ сердце давитъ? Что тѣснитъ дыханье?
Отчего такъ близко каждое страданье?
Отчего свободно пѣсня не поется
И, живя на свѣтѣ, будто не живется?
Отовсюду стали прилетать къ намъ вѣсти,
Что народъ нашъ гибнетъ, тяжело страдая,
Что настало время умирать Россіи
Въ красотѣ весенней и не расцвѣтая...
Умирать Россіи... Да за что-же это?
Умирать безъ цвѣта, не дождавшись лѣта,
Умирать съ цѣпями, съ ужасомъ проклятья...
Вотъ что сердце давитъ, о родные братья!

---

*

Я пойду гулять на просторъ луговъ
И на ширь полей люда бѣднаго,
Я подслушаю сердце терпкое,
Сердце терпкое, народное.
Я пойду гулять въ глушь лѣсовъ и тундръ,
Разгадаю тамъ грозный призракъ ихъ,
Разскажу потомъ люду русскому,
Для чего намъ Богъ глушь пожаловалъ.
Богъ родилъ меня, не сказалъ зачѣмъ,
Надѣлилъ меня чувствомъ огненнымъ,
Сердце чуткое въ грудь вложилъ мою,
Сердце чуткое, неспокойное.

Digitized by Google

Я пойду гулять на просторъ степей
И на ширь песковъ необъятную.
Обойму, пойму тамъ былиночку,
Разскажу пойду о бѣдѣ большой.
О великій людъ, людъ святой земли!
Сила вражія надвигается,
Надвигается рать несмѣтная,
Рать несмѣтная, безголосая.
Межъ Уральскихъ горъ и межъ Каспія
Есть дороженька незаказная:
Въ глубь земли родной она тянется
Изъ пустынь—степей Средней Азіи.
Гонитъ вѣтеръ къ намъ по дорогѣ той
Пыль песчаную, азіатскую,
Чтобы взять въ полонъ землю тучную,
Землю тучную, черноземную.
О великій людъ, людъ святой земли!
Ты встряхнись, пойди грудью сильною,
Ты построй пойди стѣны цѣпкія,
На пути построй силѣ вражеской.
Стѣны цѣпкія все изъ ивушекъ
Да изъ сосенокъ—красныхъ деревецъ
И покрой пески муравой-травой,
Муравой-травой цѣпкимъ пыреемъ.
Я пойду возьму гусли звонкія,
Я пойду гулять да разсказывать,
По какой бѣдѣ, отчего Господь
Землю русскую не помиловалъ.

---

*

Я знаю скалу,—она лишь доступна для ока..
Вздымаясь средь грозныхъ лавинъ,
Съ молитвеннымъ видомъ пророка,
Съ красою Востока,
Стоитъ она Сфинксомъ долинъ.

Облака.

О облака, прекрасны вы,
Прекрасны вы въ вечерній часъ,
Когда пурпурные лучи
Цвѣтами украшаютъ васъ.

Digitized by Google

О облака, въ васъ есть душа,
И пламень чувства въ васъ горитъ...
Но бѣдны вы—въ васъ воли нѣтъ,
Надъ вами грозный вѣтръ царитъ.

---

*

Затуманилась погодушка,
Вѣтры буйные примчалися,
Набѣжали тучи темныя,
Мѣсяцъ свѣтлый позадернули.
Что туманишься, погодушка?
Буйство вѣтровъ кратковременно...
Разгуляются, поссорятся
И угонятъ тучи темныя...
Заиграетъ мѣсяцъ радостный,
Проплыветъ по небу молодцомъ,
Приманитъ къ себѣ погодушку
Пѣсни слушать соловьиныя.

---

*

Дѣти, вы растете въ вѣкъ безумной злобы...
Злоба окружаетъ домъ вашъ, вашу школу;—
Всюду, всюду видишь мертвецовъ и гробы,—
Тащитъ на себѣ ихъ рабъ, подобный волу.
Дѣти, убѣжимте въ поле, гдѣ родится
Хлѣбъ, кормилецъ люда, хлѣбъ, его богатство;
Будемъ тамъ работать, будемъ тамъ учиться,
И устроимъ въ полѣ мы большое братство.
И придемъ домой мы съ пышными цвѣтами,
И споемъ мы пѣсни про любовь и счастье,
Скажемъ: позабудьте злобу, будьте съ нами,
У насъ солнце свѣтитъ, а у васъ ненастье.
И забудутъ дома разговоръ враждебный,
И пойдутъ за нами въ поле, въ наши домы,
И увидятъ солнце, гимнъ споютъ хвалебный,
И исчезнутъ войны, и замолкнутъ громы.

Digitized by Google

---

*

Снилось мнѣ, будто ночью, одинъ,
Шелъ по улицѣ я, размышляя...
Вереницей промчалась картинъ
Вся прошедшая жизнь молодая.
Грустно было мнѣ видѣть себя
Съ сердцемъ, полнымъ могучихъ желаній,
Съ сердцемъ, полнымъ любви и огня,
Опьяненнымъ бокаломъ мечтаній.
И невольно я въ высь посмотрѣлъ:
Небо чистое, свѣтлое было;
Мѣсяцъ тихо по небу летѣлъ...
Сердце страстно забилось, заныло.
Гдѣ же жизнь, гдѣ же сила любви?
Неужели въ мечтахъ о небесномъ?
„Нѣтъ", отвѣтило сердце: „въ крови
„И во всемъ, и во всемъ поднебесномъ".
„И оставь горевать и мечтать,
„Дай лишь сердцу къ другому прижаться,
„Будемъ вмѣстѣ тогда пировать,
„Вмѣстѣ плакать и вмѣстѣ смѣяться".

---

*

Сердце бьется неровно, тревожно,
Утопая въ горячей крови...
Оно ждало привѣта, любви,
Но привѣта найти невозможно...
Неужели такъ жизнь холодна?
Неужели такъ пасмурны грезы?
И любви не несетъ ужъ весна,
И поблекли прекрасныя розы?
Да, ее, дорогую, любилъ...
Я любилъ и тревожно, и нѣжно...
Жизнь ея протекла безмятежно,
А свою я любовью сгубилъ...
Неужели такъ жизнь холодна?
Неужели такъ пасмурны грезы?
Я мечтаю. Сижу у окна
И гляжу на листочки березы...

Digitized by Google

*

Скучно жить безъ жены молодой,
Скучно жить и безъ вѣрнаго друга;
Но безъ вѣры святой, но безъ мысли живой—
Жизнь страшнѣе любого недуга.

---

*

Мрачныя думы мнѣ сердце томятъ,
Мрачныя думы мнѣ жить не даютъ,
Мрачныя думы бѣжать мнѣ велятъ,
Мрачныя думы... О гдѣ мой пріютъ?
Сердце томится, любовью горя;
Слезы струятся въ усталой груди...
Я одинокъ, одинокъ безъ тебя...
Гдѣ-же ты, Ангелъ? Скажи и приди...

---

*

„Зачѣмъ ее я полюбилъ?"
Свое я сердце вопросилъ.
Но сердце сжалось при вопросѣ,
Какъ осужденный при допросѣ.
„Зачѣмъ мечты и жизнь мою",
„И счастье... все ей отдаю?"
И сердце радостно забилось
И кровью жаркою облилось.

Пѣсня для гитары.

Знаю я теперь одно,
Что любовь даруетъ счастье:
Буря-ль, горе-ль, иль ненастье—
Все равно!...
За любовь я жизнь отдамъ...
Трам-там-там...
Знаю я, что полюбя,
Умъ отъ радости теряешь
И съ улыбкою мечтаешь:
За тебя,
За любовь я жизнь отдамъ...
Трам-там-там...

Digitized by Google

Знаю я, что при любви
Сердце много испытаетъ
И, какъ узникъ, сосчитаетъ,
Дни свои...
За любовь я жизнь отдамъ...
Трам-там-там...
Знаю я еще одно,
Что въ любви отрава скрыта,
И что жизнь моя разбита,
Ужъ давно...
За любовь я жизнь отдамъ...
Трам-там-там...

---

*

Пали вы жертвою,
Жертвою счастья,
Счастья народнаго,
Люда голоднаго.
Сердце безтрепетно
Съ смертью встрѣчается;
Русь поднимается,
Русь поднялась уже.
Рвутся тяжелыя
Цѣпи желѣзныя:
Воля народная
Моремъ колышется.
Пали вы жертвою,
Жертвою счастья,
Счастья народнаго,
Люда голоднаго.
Воля народная—
Море свободное,
Какъ разгуляется—
Не остановится.
Темная силища
Бурею сломлена,
Тучи умчалися,
Солнце красуется.

Digitized by Google

Въ полюшкѣ въ волюшку
Мы поработаемъ,
Доброю силушкой
Родину вылѣчимъ.
Дружно къ труду, друзья,
Дружно, товарищи!
Счастье—въ трудѣ теперь,
Въ немъ наша славушка.
Вѣчная память вамъ,
Честнымъ товарищамъ,
Павшимъ за Родину
Многострадальную.

---

*

Грустный въ широкое поле отправился юноша сѣять.
Сердце любовью разбито, а некому думы повѣрить...
Вышелъ, надѣлъ онъ на шею лукошко изъ бѣлой березы,
И позабылъ онъ тотчасъ же мечты и тяжелыя грезы...
Спѣлыхъ сѣмянъ изъ мѣшка онъ поспѣшно въ лукошко насыпалъ,
Каждое сѣмячко онъ подобралъ, что на землю просыпалъ,
Шапку онъ медленно снялъ, обратившись съ молитвой къ востоку:
Нужно засѣять землицу—кормилицу—матушку къ сроку.
Шапку онъ медленно снова надвинулъ на впалое темя,
Горстью привычною сжалъ онъ созрѣлое хлѣбное сѣмя.
„Съ Богомъ начну я“, подумалъ, впередъ подаваяся смѣло,
Бросилъ съ размаху зерно, и ковромъ оно пашню одѣло...
Долго по пашнѣ глубокой расхаживалъ юноша, сѣя,
Долго ходилъ, размышляя, о зернышкѣ каждомъ радѣя.
Юноша кончилъ работу, и радостно сердце забилось.
„Вотъ поработалъ“, подумалъ: „и горе мое позабылось,
„Думы—печали мои разлетѣлись по вѣтру далеко,
„Горе—заботы мои потонули съ работой глубоко“...
Юноша поздно счастливый вернулся съ рабочаго поля.
Только въ горячемъ трудѣ забывается горе-неволя.

Digitized by Google

Пѣсня

(Ребятамъ)

Было время, былъ я помоложе,
Такъ же въ школу бѣгалъ, какъ и вы...
Было время, спалъ я на рогожѣ,
И прикрыть не зналъ чѣмъ головы.
Умеръ батька. Мать безъ средствъ осталась.
„Жизнь иль смерть?“ спросили мы себя.
„Я умру“, сказала мать: „Досталась
„Участь горькая, сынокъ мой, для тебя“.
„Буду жить“, отвѣтилъ я сурово:
„Буду жить, я жизни не боюсь...
„Ты останься и живи здорово,
„Я жъ пойду за счастье поборюсь“...
И пошелъ... Бывало, временами,
Крохи хлѣба днями не ѣдалъ;
Спалъ въ лѣсу, какъ птичка, подъ кустами...
Но, голодный, я не унывалъ.
Съ малыхъ лѣтъ узналъ я трудъ суровый,
Былъ одинъ и лаской не согрѣтъ,
Какъ оторванный листокъ дубовый...
Но былъ смѣлъ и прямъ мой твердый слѣдъ.
Пѣсни пѣлъ... Любилъ я пѣть, какъ птицы...
Пѣсни ихъ я знаю наизусть.
Я узналъ и быль, и небылицы...
Въ каждомъ сердцѣ я замѣтилъ грусть.
На вѣку я слышалъ много пѣсенъ,
Но веселыхъ не было межъ нихъ...
Міръ казался такъ угрюмъ, такъ тѣсенъ,
Такъ печаленъ былъ народный стихъ.
И задумалъ пѣсни я другія,
Пѣсни полныя веселья и огня...
Пойте ихъ, ребята дорогія,
Пойте такъ же, какъ пою ихъ я.
Пойте ихъ, и люди встрепенутся,
И забьются трепетно сердца...
Пойте ихъ, и спящіе проснутся,
И не будетъ радостямъ конца.
Пойте ихъ, и пѣсни много счастья
И любви, и дружбы принесутъ...
И пройдетъ тоскливое ненастье,
Дни веселые и теплые придутъ.

Digitized by Google

Сонъ узника.

Свѣтлый Ангелъ, золотая рыбка!
Сонъ сегодня видѣлъ я чудесный:
Ты явилась мнѣ, какъ лучъ небесный,
На устахъ твоихъ была улыбка.
Въ сердце мнѣ пытливо заглянула
Свѣтло-нѣжнымъ голубинымъ окомъ,
И въ груди сомнѣніе спугнула,
И порвала нить, свитую рокомъ.
„Другъ ступай! Ты будешь благороденъ,
„Ты рожденъ свершить святое дѣло"...
И сказавъ, вспорхнула, улетѣла...
Я проснулся счастливъ и свободенъ.

---

*

Милый Пушкинъ, я тебя люблю;
Въ честь тебя я пѣсенку спою...
Изъ поэтовъ славныхъ ты славнѣе всѣхъ;
Въ пѣсняхъ твоихъ счастье и веселый смѣхъ.
Въ сердцѣ ли ненастье, въ сердцѣ ль холодъ вѣетъ,—
Радостная пѣсня вѣчно сердце грѣетъ;
Грустно-ль тебѣ было, былъ ли взоръ неясенъ,
Стихъ твой беззаботенъ и, какъ день, прекрасенъ.
И за то тебя я, милый мой, люблю,
Оттого съ тобою часто говорю,
Что и самъ, какъ ты, я рвусь къ свободѣ, къ счастью,
Чтобы въ жизни мѣста не было ненастью.

Дороженька.

(Пѣсня моихъ учениковъ)

Припѣвъ:
Дружно, ребята, шагайте,
Хоромъ и громко считайте:
Разъ, два...
Разъ, два...
Въ ногу, ребята, въ ногу...
Смѣло въ дорогу.
Въ даль нѣмую протянулася дороженька
Отъ востока свѣтлаго до запада,

Digitized by Google

Да отъ утра яснаго до вечера...
Въ даль нѣмую, непроглядную
Протянулася дороженька.
Въ даль сѣдую протянулася дороженька...
Даль туманомъ синимъ позадернулась...
Тучи черныя иль свѣтлый день тамъ кроется?..
Въ даль неясную, туманную
Протянулася дороженька.
Наша жизнь, ребята, это путь-дороженька...
Куда тянется она—не вѣдаешь...
Счастье-ль кроется въ дали иль горюшко?..
Не подсмотришь, не подслушаешь,
Что въ концѣ дорожки кроется...
Люди всѣ идутъ одной большой дороженькой...
Но кто съ вѣрою идетъ, съ охотою
Да съ заботою о ближнемъ, съ храбростью,..
Тому солнышко сопутствуетъ,
Тому звѣзды улыбаются.

---

*

Дѣти, вы полю подобны.
Поле весною пахарь распашетъ, взборонитъ,
Зернышко броситъ и въ землю его закопаетъ.
Солнце согрѣетъ дождемъ увлажненную почву.
Пустятъ ростки сѣмена и зеленымъ
Бархатнымъ лугомъ покроютъ навозную землю.
Быстро созрѣютъ побѣги насущнаго хлѣба...
Колосъ тяжелый повиснетъ на гибкой соломѣ.

Няня и дитя.

Слышишь, милый, какъ вѣтеръ гудитъ...
Слышишь, ангелъ, какъ окна стучатъ...
Посмотри, какъ бѣгутъ облака,
И какъ солнце сердито садится.
Надвигается темная ночь,
И свинцовыя тучи находятъ...
Будетъ буря, мой другъ, будетъ страшная буря...
Лягъ, усни, Богъ съ тобою, мой милый...
Няня, няня, я бурю люблю...

Digitized by Google

Я люблю тучи черныя, грозныя,
Я люблю, какъ сверкаетъ гроза
И какъ громомъ по небу несется...
Няня, няня, я спать не хочу,
Ты-жъ усни, дорогая, усни...
Тихо буду сидѣть у окна.
Буду бурею я любоваться,
Буду молніи жадно ловить,
Буду плакать я, буду смѣяться...
Ты-жъ усни, ты устала, старушка...
Тихо буду сидѣть у окна.

---

*

Туманъ природы полонъ красоты;
Туманъ людей—коварности и злобы;
Ихъ помыслы—раскрашенные гробы,
И солнце не для нихъ сіяетъ съ высоты...
Природа блещетъ высшей красотою,
Гдѣ нѣтъ людей съ ихъ алчною рукою.

---

*

Разсѣялся туманъ и образъ величавый
Долинъ и горъ, и береговъ рѣки
Рисуется на небѣ бирюзовомъ.
Съ какою радостью привѣтствуетъ тебя
Твой сынъ и другъ, Природа дорогая!
Вѣдь ты, въ туманѣ утопая,
Осталась той же просто—величавой.

---

*

Что можетъ быть выше искусства?
Оно затмеваетъ богатства,
Въ немъ огнь, вспламеняющій чувства,
Въ немъ тайна созданія братства.

Digitized by Google

Три егеря.

(Съ нѣмецкаго)

Пошли на охоту три егеря разъ.
„Вотъ, думаютъ, если-бъ она удалась“.
Пришли на лужайку, и возлѣ сосны
Уснули всѣ трое и видѣли сны.

1-ый.

„Казалось, во снѣ я взялся за курокъ:
Промчался олень по лужайкѣ—скокъ, скокъ“,

2-ой.

„Скакалъ, а за нимъ наша свора собакъ;
Схватилъ я ружье и въ оленя—трахъ-такъ“.

3-ій.

„Смотрю, а олень на землѣ, какъ гора...
Трублю отъ восторга собакамъ—тра... ра“...
Лежатъ, говорятъ, разбираетъ ихъ лѣнь,
Но вдругъ, какъ стрѣла, мимо мчится олень.
Вскочили, не знаютъ, что дѣлать, что брать,
А звѣря давнымъ ужъ давно не видать.

---

*

Дружно, ребята, за мною шагайте,
Выведу въ поле широкое васъ;
Тотъ, кто отстанетъ, тому помогайте:
Въ полѣ простору есть много для насъ.
Въ полѣ устроимъ мы школу большую,
Будемъ учиться въ ней, будемъ играть,
Будемъ работать, чтобъ старость сѣдую
Весело было потомъ коротать.
Сорокъ лѣтъ пусть пройдетъ и тогда
Намъ родной все же будетъ она,
Навсегда, навсегда.
Дружно ребята! Веселой гурьбою
Съ радостью въ поле мы будемъ шагать.
Многихъ ребятъ я водилъ за собою
И научилъ ихъ работать, играть.
Дѣвочекъ, мальчиковъ—всѣхъ созовите:
Школа—семья, въ ней учитель отецъ;
Въ полѣ цвѣты; изъ цвѣтовъ вы сплетите
Вашему лучшему другу вѣнецъ.
Сорокъ лѣтъ и т. д.

Digitized by Google

Встрѣча съ дьяволомъ.

Когда я ночью шелъ по улицамъ Москвы,
Тревожной суетой глубоко возмущенный,
Какой-то господинъ сказалъ мнѣ:—Это Вы,
(Насмѣшливо)—Студентикъ умиленный?
„Какая дерзость!“ Я въ отвѣтъ ему:
„Какъ смѣете смѣяться надо мною?“
— Такая роль моя, чтобы давать всему
Смѣшное прозвище и сдѣлать вещь смѣшною.
„Кто Вы?“ на дерзкаго взглянувъ,
Спросилъ его: „что отъ меня Вамъ надо?“
— Имѣю честь представить сатану,
Слугу почтеннаго и преданнаго ада.
„Смѣетесь Вы иль сумасшедшій Вы?
„Съ чертями говорить не расположенъ.
„Adieu monsieur!“—Нѣтъ, братецъ мой, увы!
Ярлыкъ чертовскій мой и на тебя положенъ.
Хотѣлъ удрать, но господинъ за мной.
По виду джентельменъ, лѣтъ сорока не болѣ.
— Пойдемте влѣво, правой стороной
Я не люблю ходить при русской волѣ;
Къ тому же я изъ крайнихъ какъ и Вы,
Педантъ и лѣвымъ всѣмъ буквально брежу,
Гуляю иногда по улицамъ Москвы,
Невинныхъ женщинъ и дѣтишекъ рѣжу...
Тс. с... Не думайте, что самъ, имѣю много слугъ
Въ правительствѣ и мирныхъ анархистахъ...
„Болтаете Вы вздоръ, почтенный другъ,
„Не смыслите, какъ видно, въ террористахъ“.
— О милое дитя! Давно уже хотѣлъ
Политикой съ тобою позаняться...
Ты самолюбіе мое задѣлъ,
Рѣшившись вдругъ за конкурсъ *) взяться.
Сидѣлъ, училъ, о ближнемъ размышлялъ
И вдругъ на черта дерзко ополчился.
Иль утомилъ тебя безцѣльный идеалъ,
Что на меня, невиннаго, озлился?
„Скажу тебѣ, коль чертъ ты, что тебѣ,
„Немного лѣтъ осталось поскитаться,

*) Это стихотвореніе предназначалось для конкурса.

Digitized by Google

„И за свое служеніе судьбѣ
„Придется съ новымъ вѣкомъ посчитаться.
„Тебя я тоже понялъ мудреца,
„Религія тебя не прошибаетъ;
„За Богомъ иногда не видно хитреца,
„А Божество тебя нисколько не пугаетъ.
„Какъ радъ ты былъ, когда славянофилъ
„Національностью сердечно бредилъ;
„Тогда себѣ ты гнѣздышко завилъ,
„Предчувствуя нагайку, запахъ сѣделъ
„Казацкихъ и всего, чѣмъ наша жизнь полна;
„Теперь же съ толку сбитъ, не зная, что творится.
„Взбѣсился сатана! Пируетъ сатана!
„Съ соціализмомъ онъ не можетъ помириться!
„А техника давно ему претитъ,
„Особенно, желѣзныя дороги...
„Кто равенство и братство запретитъ,
„Когда рабочими подводятся итоги?
„Съ Адама царствовалъ, мой милый другъ!
„Теперь ступай на новую планету;
„Понятенъ мнѣ твой дьявольскій испугъ.
„Прощай... А бѣденъ ты? Возьми монету".

Кузнецы.

Въ кузницѣ около горна
Грязно и сорно:
Уголь, желѣзо кругомъ.
Уголь на топку,
Желѣзо на ковку.
Дружба куется трудомъ.

Насъ нужда, друзья, соединила
И къ горнилу вмѣстѣ привела,
Подъ огнемъ окрѣпла наша сила,
На морозѣ молодость цвѣла.
Наши руки съ молотомъ родились,
Отъ рожденья всѣ мы кузнецы,
Для войны и мира мы трудились
И теперь сковали ихъ концы.

Digitized by Google

Нѣтъ войны, нѣтъ доблестнаго мира,
Все сковали мы въ волшебный кругъ,
И на мѣстѣ радостнаго пира
Торжествуетъ бѣшенный испугъ.

Экая сила у васъ!
Мускулы—словно канаты,
Молотъ въ рукѣ пудовой—
Словно игрушка изъ ваты.

Эй, молодчики, стойте,
Пѣсенку снова пропойте...
Скучно скитаться по свѣту:
Горюшка много, а волюшки нѣту.

Сердце молотомъ въ насъ стало,
Наковальней стала грудь,
Много надо намъ металла,
Чтобъ сковать желѣзный путь.

Дружно за работу,
Подальше заботу,
Каждый, чѣмъ можетъ,
Поможетъ.

Стукъ, стукъ, стукъ...
Куютъ кузнецы;
Стукъ, стукъ, стукъ...
Поютъ молодцы.
Въ пѣснѣ—услада.
Въ пѣснѣ—награда
Дружно за работу,
Подальше заботу,
Каждый, чѣмъ можетъ,
Поможетъ.

Въ кузницѣ около горна
Грязно и сорно:
Уголь, желѣзо кругомъ.
Уголь на топку,
Желѣзо на ковку.
Сила куется трудомъ.

Digitized by Google

Желѣзо и уголь—два брата родные,
Лежатъ они въ нѣдрахъ земли;
Какъ будто преступниковъ, кѣмъ-то казненныхъ,
Ихъ рядомъ въ землѣ погребли.
Лежатъ они рядомъ. Судьба ихъ извѣстна.
Ихъ жизнь была полна чудесъ.
Желѣзо текло раскаленной рѣкою
Подъ яснымъ покровомъ небесъ.
Вздымались, какъ горы, желѣзныя волны,
Огнемъ разсыпались онѣ,
И силы волшебной и сказочной полны
Текли лучезарные дни.
Но вдругъ чародѣй исполинской рукою
Лазурное небо закрылъ...
Помчались по небу свинцовыя тучи,
И вѣтеръ зловѣщій завылъ.
Закапали слезы, полились ручьями,
И ливень прошелъ надъ землей...
Желѣзныя рѣки сжимались отъ боли,
Нѣмѣя въ борьбѣ роковой.
Промчались вѣка, и водной стихіи
Создался могучій просторъ,
Явились моря, океаны и рѣки,
И выросъ таинственный боръ.
Какъ сказочный витязь, склонясь надъ рѣкою,
Стоялъ онъ, величія полнъ,
Надъ нимъ проносилися бури порою,
И горы вздымались изъ волнъ.
И волны стремились на берегъ высокій
И бились о грозный гранитъ,
И падали въ воду разбитыя глыбы...
И волнами лѣсъ былъ подмытъ.
И падали грузно въ рѣку исполины—
Деревья за глыбами вслѣдъ;
И вяжущимъ иломъ бѣгущія волны
Покрыли безславный ихъ слѣдъ.

Въ кузницѣ около горна
Грязно и сорно:
Уголь, желѣзо кругомъ.
Уголь на топку,
Желѣзо на ковку.
Слава куется огнемъ.

Digitized by Google

Бродокъ.

(Наброски съ натуры)

Быть можетъ, Вамъ когда нибудь
Пріятно будетъ вспомянуть
Въ кругу пріятелей столицы
Двѣ-три изъ прошлаго страницы.
Конечно, другъ разскажетъ Вамъ
Исторію про критскихъ дамъ
Иль просто про природу Крита...
Другой, быть можетъ, изъ Товита
Разскажетъ Вамъ, что также онъ
Невинно въ жизни осужденъ
На цѣлый рядъ невзгодъ, страданій.
„Зачѣмъ такъ много испытаній?"
Добавитъ онъ: „и нужно-ль знать
Какъ могъ я все перестрадать?"...
Я, къ сожалѣнію, не знаю,
Кого въ примѣрахъ называю,
Но былъ бы я сердечно радъ—
Сказать Вамъ правду наугадъ.
Но Вы, навѣрное, возьмете
Въ примѣръ мѣстечко, гдѣ живете,
Гдѣ вы проводите весну,
Все лѣто, даже часто осень,
Гдѣ Вашъ знакомый на блесну
Хотѣлъ поймать заразъ щукъ восемь;
Но, слышно, въ нынѣшнемъ году
Блесна у щуки не въ ходу.
То мѣсто—дивный уголокъ;
Его зовутъ у насъ „Бродокъ".
Бродокъ—старинное названье,
Хотя имѣю указанье
По старымъ картамъ межевымъ,
Что мѣсто значилось инымъ.
Такъ въ планѣ (тридцать лѣтъ назадъ)
Отмѣченъ домиковъ здѣсь рядъ,
И мѣсто названо деревней;
Въ другомъ же планѣ (странный рокъ)
Квадратъ съ названьемъ „Городокъ" *).
Во всякомъ случаѣ по древней,
По картѣ точной межевой,
Былъ лугъ когда то заливной.

*) Авторъ имѣетъ въ виду карты, составленныя въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаг столѣтія.

Digitized by Google

Хочу писать я сочиненье
О всемъ уѣздѣ волоцкомъ
И Ваше милое имѣнье
Предметомъ сдѣлать удивленья—
Какъ все мѣняется кругомъ!
Но мнѣ извѣстно, что Бродокъ
Сталъ „милый тихій уголокъ“
Не волей дамскаго каприза
Иль приказаніемъ маркиза:—
Здѣсь жилъ когда-то человѣкъ...
(Дай Богъ, чтобы двадцатый вѣкъ—
Вѣкъ воспитанія дѣтей
Имѣлъ бы всѣхъ такихъ людей).
Здѣсь жилъ когда-то человѣкъ
Души добрѣйшей, благородной,
Ума глубокаго, съ природной,
Съ кристальной чистою душой...
И жизнь цвѣла, какъ рай земной.
Онъ былъ вражды—лютѣйшій бичъ...
Ну, словомъ—Николай Ильичъ.
И вотъ, заботами его
Возросъ Бродокъ изъ ничего.
Поля обсажены березой,
А садъ—красавицею розой;
Во всемъ видна любовь, забота—
Отъ барской дачи до болота...
Въ дому просторъ, водопроводъ;
Кругомъ болота—стоки водъ...
Теперь такихъ хозяевъ мало,
Чтобъ не сказать, что ихъ не стало.
Конечно, безъ хозяйки домъ—
Всегда Гоммора и Содомъ,
Но Николай Ильичъ умѣлъ
Своимъ заботамъ знать предѣлъ:
Здѣсь дѣло женское, и онъ
Былъ въ этомъ твердо убѣжденъ.
И дѣло шло, и цвѣлъ Бродокъ,
Какъ роза иль иной цвѣтокъ.

. . . . . .

Но умеръ Николай Ильичъ.
Онъ умеръ не въ саду, въ Бродкѣ,
А въ Петербургѣ, вдалекѣ

Digitized by Google

Отъ сада, гдѣ смертельный бичъ
Изъ года въ годъ коситъ людей,
Бросая ихъ на кормъ червей.
И сталъ хирѣть и чахнуть садъ...
. . . . . .
Теперь я вижу, какъ богатъ
Былъ опытъ стараго слуги
Царя и общества. Ноги
Его простой и твердый слѣдъ
(Пройдетъ еще десятокъ лѣтъ),
А время не смететъ.. И будетъ садъ
Воспоминаньями богатъ.

Люблю Бродковскую аллею!
Она задумчива, тиха
И благосклонна для стиха...
Я часто въ ней мечту лелѣю.
Мечта грустна... Она идетъ
За мною вслѣдъ или впередъ.
Бывало, вечеромъ въ саду
Одинъ задумчиво иду...
И мнится мнѣ, въ тѣни березъ
Мелькнетъ, какъ легкая психея,
Моя мечта, моя затѣя,
Моя царица сновъ и грезъ.
Я, даже, видѣлъ иногда,
Ее, мою мечту—психею,
Бѣгущей по аллеѣ!.. Да!
Я, даже, думалъ, кто-нибудь
Гуляетъ... Преграждалъ ей путь,
Я напрягалъ вниманья слухъ,
Чтобъ уловить иль вздохъ, иль шопотъ.
Но было тихо Только ропотъ
Березъ я слышалъ...Рои мухъ
Качались призракомъ въ тѣни.
Я наблюдалъ аллею въ дни,
Когда вечерніе лучи
Ложились красной пеленою
На домъ, на прудъ, но за листвою
Немного свѣта было. Свѣтъ
Терялъ лукавый свой привѣтъ,
Когда объятый полутѣнью,
Онъ заражался томной лѣнью,
Скрываясь въ лиственной глуши...

Google

О, какъ волшебно—хороши
Стволы березъ! Ихъ цѣлый рядъ,
Ихъ бѣлый праздничный нарядъ,
Такъ много кроетъ чистоты...
Люблю уснувшіе цвѣты!
Они не прихотливы, нѣтъ:—
Левкой, гвоздика, маковъ цвѣтъ,
Еще два—три простыхъ цвѣтка
Изъ парниковаго горшка...
Но въ этой простотѣ цвѣтовъ
Таится много дивныхъ сновъ...

Вотъ липа—ей два вѣка лѣтъ...
Хотѣлъ бы знать ея отвѣтъ,
Кто здѣсь сидѣлъ, въ ея тѣни?
Кто пѣсни пѣлъ?... Одинъ? Одни?...
Быть можетъ, кто нибудь шепталъ
Слова любви и отвѣчалъ
На нихъ другой, не словомъ, нѣтъ:
Во взглядѣ жилъ любви отвѣтъ.
Сидишь подъ вечеръ и слегка
Задремешь сладко... Вѣтерка
Услышишь съ липой разговоръ,
И кажется, что долгій споръ
Хотятъ вдвоемъ они рѣшить
О томъ, какъ скучный вѣкъ дожить.

Сегодня пасмурно. Барометръ
Упалъ съ утра, а къ вечерку
Клониться стало къ холодку,
И быстро падать сталъ термометръ.
Часамъ къ 8-ми, когда стемнѣло,
Луна за лѣсомъ закраснѣла;
Сначала тускло и темно
Она глядѣла сквозь окно,
Но стала выше подниматься
И, поднимаясь, убавляться
И все свѣтлѣть. И вотъ взошла,
И ночь прелестная была.
Питомца уложивъ въ постель,
Я кисти взялъ и акварель
И вышелъ на балконъ... О нѣтъ,
Художникъ я или поэтъ,
Но описать, какъ дремлетъ ель,

Digitized by Google

Какъ птичка съ согнутымъ крыломъ
Спитъ сладко надъ моимъ окномъ,
Какъ тихо свѣтится рѣка,
И какъ глядятся облака,
Любуясь вѣчной красотой,
Въ ея зеркальное лицо,
И какъ мелькаютъ за рѣкой
Костры веселыхъ рыбаковъ.
(Хорошъ сегодня ихъ уловъ!)
Нѣтъ, описать не въ силахъ я
Картины книги-бытія.
Вздохнувъ, я вышелъ на крыльцо.
Спустился къ лугу. На лугу
Свѣжо и сыро было... Я
Свернулъ къ дорогѣ. На меня
Упали капли съ сонныхъ ивъ.
Я былъ одинъ, я былъ счастливъ...
Вдали на мѣсяцѣ блестѣлъ
Бродка знакомаго заборъ;
А рядомъ съ нимъ сосновый боръ
Дремалъ. За нимъ бѣлѣлъ
Аллеи дѣвственный нарядъ...
Ускоривъ по дорогѣ шагъ,
Махнувъ рукой (обычный знакъ,
Когда бываю очень радъ),
Я вышелъ въ садъ. О милый садъ!
Смѣшно сказать, но я влюбленъ
Въ бродковскій садъ. Я имъ плѣненъ:
Такъ простъ и такъ пріятенъ онъ...
(Тутъ вспомнилъ я отца Петра,
Который мнѣ сказалъ вчера:
„Въ аллею, другъ, въ аллею ты"...
Его я понялъ... Но цвѣты
Не только созданы затѣмъ,
Чтобъ ихъ срывать и цѣловать
И послѣ милой отдавать
И думать, думать: вотъ *онъ* нѣмъ,
Онъ не разскажетъ тайнъ моихъ...
Но въ немъ есть ядъ любви... Твоихъ
Онъ тоже устъ слегка коснется...
И сердце юное проснется,
И сердце скажетъ и забьется,
Забьется трепетно, какъ птица...
Но впрочемъ, впрочемъ небылица

Digitized by Google

Любовь для юноши, какъ я...
Чѣмъ я могу влюбить въ себя?
Своею красотой? Смѣшно.
. . . . . .
Но, вообще, мечтать грѣшно
О томъ, кто можетъ насъ любить,
Кого мы можемъ полюбить.
Не лучше-ль просто предоставить
Вопросъ рѣшенію судьбы,
Чѣмъ къ небу посылать мольбы
И Бога въ затрудненье ставить)!

Прошелъ аллею, что ведетъ
Къ хозяйской дачѣ. Вижу свѣтъ
Съ балкона дачи. Тамъ идетъ
Двухъ дамъ о чемъ то разговоръ.
Казалось мнѣ, о чемъ то споръ.
Подумавъ мигъ, идти иль нѣтъ,
Я подошелъ и пожелалъ
Покойной ночи. Но сказалъ
Такъ тихо, что мои слова
Не отвлекли отъ спора дамъ.
Остановился... Вдругъ сова
Съ деревьевъ шумно сорвалась;
За нею, птичка погналась...
За ней другая... Слышу гамъ
Въ аллеѣ... Я пошелъ туда.
Немного влѣво отъ пруда
Я сѣлъ на старую скамью.
Ее, признаюсь, я люблю,
Усталость чувствуя свою.
Все было тихо и свѣтло.
Всѣ тучи съ неба унесло,
И вѣтеръ съ ними убѣжалъ,
И міръ въ спокойствіи лежалъ.
И только изрѣдка кой-гдѣ
Всплеснется рыба на прудѣ,
Лягушка крикнетъ и нырнетъ,
И міръ проснется и заснетъ.
И долго я сидѣлъ одинъ;
Казалось, дожилъ до сѣдинъ
Въ своихъ мечтахъ о далекѣ...
Но жутко ночью быть въ Бродкѣ,
Березы на лунѣ стоятъ,

Digitized by Google

Какъ нимфы иль толпы наядъ...
Имъ много лѣтъ, имъ много лѣтъ...
Пройдутъ года, исчезнетъ слѣдъ
Красы Бродка, красы полей...
. . . . . .
Стволы затянетъ мягкій мохъ...
Вонъ стволъ... Онъ не блеститъ, засохъ,
И вѣтви голы безъ листвы.
О смерть, о жизнь! Царите вы
И нѣтъ вражды межъ вами, нѣтъ.
У васъ одинъ и тотъ же слѣдъ...
Идете рядомъ вы и тамъ,
Гдѣ смерть царитъ, тамъ часто намъ
Царицей вѣчной красоты,
Горстями сыплющей цвѣты,
Намъ кажется, что жизнь идетъ;
Но тамъ то смерть и возстаетъ;
Встаетъ изъ каждаго цвѣтка,
Едва дрожащая рука
Его на землю броситъ; онъ —
Въ объятьяхъ смерти; обреченъ
Онъ постепенно умирать...
Цвѣты вы будете срывать
И ароматомъ ихъ дышать,—
Но въ этомъ ароматѣ ядъ
И смерть; ихъ праздничный нарядъ
Могильный саванъ... Такъ въ мечтахъ,
Рисуя жизнь и смерть въ стихахъ,
Бродокъ, прими листки мои,
Гдѣ думы изложилъ свои,
Прими, оставь на память ихъ,
Не отвергая праздный стихъ...
Быть можетъ, снова я приду
И ласку, и любовь найду
Подъ сѣнью дѣвственныхъ березъ...
И много будетъ новыхъ грезъ,
И снова ихъ я запишу
И подарить ихъ поспѣшу.

---

*

Бываетъ, что и въ сентябрѣ
Тепло и солнышко сіяетъ;
Природа платья не мѣняетъ
И щеголяетъ въ янтарѣ.

Digitized by Google

По даннымъ нынѣшняго года,
Настанетъ чудная погода
Въ начальныхъ числахъ сентября
И простоитъ до октября.
Придетъ пора... Какъ много счастья
Въ исчезновеніи ненастья!
И вмѣсто августовскихъ дней,
Тоскливыхъ сыростью своей
И вѣчнымъ завываньемъ вѣтра,
Придетъ пора, полна красотъ,
Полна размѣреннаго метра,
Какъ стихъ гораціевыхъ одъ.
Придетъ пора... Какъ много счастья
Въ исчезновеніи ненастья!..
И самъ я, вдохновенья полнъ,
Помчусь въ Бродокъ по стогнамъ волнъ*).
Но грустно, грустно мнѣ отнынѣ
Предчувствовать Бродокъ... пустыней.
Его покинутъ... Будетъ пустъ
Хозяйскій домъ... Поникнетъ кустъ
Въ саду... Аллея опустѣетъ...
И слышу я, какъ злобно вѣетъ
Предвѣстникъ смерти, злой двукрылъ.
Слезами бы тебя омылъ,
О мой Бродокъ, гдѣ въ сорокъ дней
Въ душѣ я воскресилъ моей
Сестру, которая, бывало,
Въ тѣни березовыхъ аллей,
При блескѣ солнечныхъ лучей,
Любуясь Волгою, гуляла.
Давно то было... двадцать лѣтъ.
Я былъ ребенкомъ. Яркій свѣтъ
Въ аллею лился сквозь листву.
И падалъ на цвѣты, траву...
Я съ Глашей былъ... Вдвоемъ мы были;
Мы съ ней всегда вдвоемъ любили
Срывать цвѣты и плесть вѣнки
И ѣсть молочные гренки,
Вставая при восходѣ солнца,
Бѣжать въ молочную эстонца
И пить парное молоко...

---

*) Весною и осенью, во время разлива рѣки Цны, сообщеніе съ Бродкомъ возможно на лодкѣ.

Digitized by Google

Какъ лента вилась далеко
Родная Волга... Даль ясна...
Стояла чудная весна...
И помню, Глаша мнѣ сказала:
„Ты знаешь, Саша, я узнала,
Что я умру“... И помню я,
Она заплакала и слезы
Роняла тихо на меня...

. . . . . .

Давно то было, я забылъ,
Изъ дѣтства многое забылъ...
Теперь, увидѣвъ васъ, березы,
Въ душѣ своей я воскресилъ
Мечты и думы, чувства, грезы...
Прости, Бродокъ, прощайте розы!...

---

* * *

Итакъ, Вы ѣдете. Рѣшенъ
Отъѣздъ Вашъ въ Питеръ безотложно
И оставаться невозможно.
„Помилуйте, со всѣхъ сторонъ
„Убійства, воровство, грабежъ...
„А здѣсь, въ Бродкѣ... куда пойдешь?
„Что станешь дѣлать, коль придутъ,
„Ограбятъ и еще убьютъ?
„Нѣтъ, ѣхать, ѣхать—рѣшено
„И оставаться здѣсь—смѣшно“.
Настасья Дмитріевна, Вы,
Конечно, больше всѣхъ правы,
И ваша логика—законъ...
А Вы, Жемановъ молодой?
Вѣдь Вы осеннею порой
Могли бы здѣсь стрѣлять воронъ?
Нѣтъ, Вы не тотъ, Вы рождены
Не для Россіи. Суждены
Судьбою Вамъ иные виды
На островахъ Океаниды.
Вы—Чайльдъ Гарольдъ. Спокойный видъ
Въ душѣ закованной таитъ
Тревогу бурь, стремленье въ даль
И неспокойную печаль.
Что Вамъ Бродокъ, деревни глушь?

Digitized by Google

Вы здѣсь, какъ псалмопѣвца мужъ,
Идете въ полночь, но души
Вы не ласкаете въ тиши.
Нужна Вамъ даль и ширь, просторъ
И море, и далекихъ горъ
Чуть-чуть въ туманѣ синева,
И нужно, чтобы кто-нибудь,
Склонивши голову на грудь,
Вамъ напѣвалъ и Васъ ласкалъ,
И чтобъ далекія слова,
Слова далекія „Loulou"
Шептали Вамъ: „люблю, люблю..."
„Нѣтъ, то не сонъ, не идеалъ,
„То жизнь, то правда, рай земной,
„Съ тобою я, и ты со мной"..
Вамъ нужно море... „Другъ иди,—
„И жизнь, и счастье впереди"
. . . . . .
Блаженъ, кто съ самыхъ раннихъ лѣтъ
Былъ лаской матери согрѣтъ,
Развилъ въ себѣ и умъ, и волю,
Позналъ униженную долю
И шелъ свободно цѣлиной,
Томимый истиной одной.
Блаженъ, кто съ самыхъ раннихъ лѣтъ
Позналъ житейскій мракъ и свѣтъ,
Искалъ лишь свѣта и къ нему
Стремился молодой душой,
Согрѣтой истиной святой;
Не помнилъ зла и никому
За зло обидами не мстилъ,
Но всѣхъ прощалъ и всѣхъ любилъ.
Блаженъ, кто съ самыхъ раннихъ лѣтъ,
Живя въ кругу тревогъ и бѣдъ,
Какъ беззаботное дитя,
Какъ птичка рѣзвая, летя,
Былъ чувствомъ жалости объятъ.
Удѣлъ того блаженъ и святъ.
О дѣтство, дѣтство золотое!
Ты счастья и любви полно,
Ты сердца оцѣнить одно
Способно чувство дорогое.
Блаженъ, кто это чувство рано
Глубоко въ сердцѣ затаилъ

Digitized by Google

И, чуждый страсти и обмана,
Подругу первую любилъ...

Но гдѣ-жъ Loulou? Какою тайной
Отъ взора скрыта жизнь ея?
Скажите, милый другъ случайный,
Какія вѣсти отъ нея?

Она теперь живетъ далеко,
Въ отцовскомъ домѣ и одна,
Пышна, какъ роза, но грустна;
Живетъ въ тиши и одиноко.
Завѣты тайныя храня,
Она полна любви огня.

Loulou, Loulou! Такое слово
Для иностранца даже ново,
Для русскихъ вовсе непонятно,
Но гармонично и пріятно.
Но это слово дивной силой
Въ устахъ того звучитъ для милой,
Кто имъ питалъ свою любовь.
Какъ жарко загоралась кровь
При мысли объ одномъ лишь звукѣ
„Loulou.“ Въ какой ужасной мукѣ
Томился бѣдный лицеистъ,
Твердя законовъ странныхъ листъ.
А нужно, нужно. Что же нужно?
Держать экзаменъ. Строгъ отецъ.
Когда же будетъ, наконецъ,
Хотя минуточку досужно?
Тверди еще... тверди, учи
Съ годами мятую таблицу...
Но, сердце, больше не стучи...
„Царь посѣтилъ свою столицу“ ..
И снова годы... „Ѳемистоклъ ..
„Великій драматургъ Софоклъ...
„Нѣтъ, это скучно, наконецъ...
„Что скажетъ завтра мнѣ отецъ?“
. . . . . .

Digitized by Google

Летятъ протяжной вереницей
Обрывки мыслей, фразъ и словъ,
Что было правдой—небылицей
Идетъ за перечнемъ годовъ.
И, наконецъ, въ хаосъ смѣшалось.
Готовъ въ отчаянье придти
Иль, можетъ быть, съ ума сойти
(И что же дѣлать оставалось?)
Мой бѣдный лицеистъ. Но вотъ,
Онъ книгу на окно кладетъ
И ножъ англійскій вынимаетъ
И тихо рѣзать начинаетъ
Окно. Сначала вырѣзаетъ
Витіевато букву L,
Потомъ красиво намѣчаетъ
Дифтонгъ французскій „ou", и дрель
Простымъ ножомъ онъ замѣняетъ.
И первый слогъ, читая „lou,"
Онъ шепчетъ про себя: „Loulou"
И вырѣзаетъ новый слогъ
Со всѣмъ стараніемъ, какъ могъ.
И, кончивъ слово, по привычкѣ
Онъ ставитъ скромныя кавычки
И, даже, восклицанья знакъ.
Взгляните, вырѣзано такъ:
„Loulou!"
Какъ мило это слово.
Въ немъ скрыто сердце молодого
Печаль и страсть. О какъ бы радъ
Помчаться лицеистъ былъ въ садъ
И тамъ въ глуши, въ аллеѣ темной,
Сидѣть и ждать...
Прошли года,
Умчалась юность золотая,
И онъ, какъ Чайльдъ Гарольдъ, пустился
Въ житейскій океанъ. Простился
Съ Бродкомъ, гдѣ выросла святая
Мечта... „Прощайте, другъ Жемановъ,
„Счастливый путь, но только безъ романовъ!"

---

*

Теперь я больше не мечтаю
Въ своихъ замѣткахъ о Бродкѣ
И психологію читаю.

Digitized by Google

Послушный карандашъ въ рукѣ
Готовъ бы снова по бумагѣ
Промчаться въ бѣшенной отвагѣ
И снова воспѣвать Бродокъ.
Онъ знаетъ, что пока замѣтки,
Могли бъ читать любыя дѣтки,
Какъ самый нравственный урокъ;
Но чуетъ впереди иное,—
Онъ самъ земной и все земное
Его плѣняетъ и живитъ.
Не думайте, что скромный видъ,
Подъ часъ обидное названье,
Какое часто въ назиданье
Своимъ товарищамъ даемъ,
Его лишаютъ пониманья
Огня страстей? Мы подаемъ
Случайный поводъ къ оскорбленью
Того, кто выше всѣхъ обидъ,
Въ душѣ кого огонь горитъ.
Обида, жалкая обида!
Въ какой душѣ ты рождена?
Ужели въ образѣ гибрида
Ты всюду царствовать должна?
Ты въ лицахъ разливаешь краски
И ловко надѣваешь маски.
Принявъ плачевно—томный видъ,
И слезы навернешь порою,
Прикрывъ глаза своей фатою
И скромно укрываешь стыдъ.
А карандашъ, мой другъ по пѣснопѣнью?
Онъ геній и огонь по самому рожденью,
Онъ созданъ изъ огня и лавы первородной...
Хвала тебѣ, товарищъ, благородный!
Четыре строчки отступленья
Невольно сдѣлалъ я въ стихахъ,
Объятый страстью вдохновенья,
Имѣя карандашъ въ рукахъ.
Да будетъ карандашъ отнынѣ—
Эмблемой скованной любви...
Ему раскрылъ я, какъ святынѣ,
Всѣ чувства лучшія свои.
Но я отвлекся въ разсужденье,—
Не будетъ слова въ осужденье,
Но я судить и не хочу.

Digitized by Google

Я вновь свободенъ и лечу
Въ Бродка знакомыя владѣнья.
Сегодня тамъ увеселенье.
Тамъ именинникъ—самъ герой;
Тамъ будетъ праздникъ, угощенье...
Monsieur Жемановъ молодой
Прислалъ самъ лично приглашенье...
Къ 8-ми часамъ всѣ были въ сборѣ...
Лакей всѣхъ къ ужину зоветъ...
Идутъ... Все въ праздничномъ уборѣ;
Слуга закуски подаетъ...
Такъ вкусно все: икра, сардинки
И съ чѣмъ то длинныя карзинки,
Грибы изъ собственныхъ садовъ
Различныхъ видовъ и родовъ;
Бутылки пива, лимонада
И дыни сочныя изъ сада,
И много, много кой-чего...
Мнѣ трудно перечесть всего.
. . . . . .

Евгеній Ножинъ, или Женя,
Былъ лучшимъ другомъ изъ друзей:
Съ нимъ жизнь катилась веселѣй,
И душу онъ имѣлъ Монтеня.
Безпечно веселъ и болтливъ
И саркастически шутливъ,
Мечтою жилъ наединѣ,
Любилъ разсказъ о старинѣ,
Отъ музыки былъ безъ ума,
Слылъ почитателемъ Дюма,
Читалъ минутами Дефо
И одѣвался comme il faut.
Былъ юмористъ—писалъ стихи,
И въ нихъ высмѣивалъ грѣхи
Своихъ знакомыхъ по Бродку...
Любилъ аллеи къ вечерку,
Ходилъ задумчиво одинъ
И былъ „хорошій господинъ“
Среди знакомыхъ мужиковъ.
Вотъ, въ двухъ словахъ,—портретъ таковъ.

Digitized by Google

Евгеній Ножинъ былъ душою
Привязанъ къ милому Бродку...
Вставая раннею порою,
Ходилъ на Дѣтковку—рѣку
И тамъ аллеей любовался,
Восходомъ солнца восхищался
И слушалъ тихій рокотъ волнъ
И шелъ домой волненья полнъ.
И тамъ, восторженно открывъ
Рояля крышку, свой порывъ
Онъ въ звукахъ музыки искалъ,
Какъ свѣтлый неба идеалъ...
Дружилъ съ Надеждою Сергѣвной,
Цѣня ея природный умъ,
И съ нею подъ веселый шумъ
Писали Вѣстникъ ежедневный,
Какъ сатирическій журналъ...
Самъ генералъ его читалъ
И былъ имъ отъ души доволенъ,
Особенно, когда былъ боленъ.
Евгеній Ножинъ былъ въ фаворѣ
У генеральши и всегда
Въ своемъ спокойномъ разговорѣ
Умѣлъ сказать и нѣтъ, и да.
Въ немъ генеральша умъ цѣнила
За простоту его бранила,
Стремилась поддержать въ немъ вѣру
И вѣрила въ его карьеру.

. . . . . .

Судьбѣ угодно было снова
Блеснуть могуществомъ своимъ...
Тоскою Женя сталъ томимъ
И далъ себѣ жениться слово...
Прошло два года. Женя встрѣтилъ
Красавицу въ родномъ дому.
Случилось такъ, что не замѣтилъ,
Какъ сердцу и его уму
Красавица богиней стала.
Мечту любить душа устала:
Въ душѣ горитъ огонь страстей.
Евгеній Ножинъ передъ ней.

Digitized by Google

„Судьба насъ встрѣтила случайно,
„И сталъ я плѣнникомъ твоимъ,
„Я думой по тебѣ томимъ,
„Страдаю и тоскую тайно...
„Прими мой даръ, мою поэму,
„Мою любовь и страсть мою
„Тебѣ; какъ свѣтлому Эдему,
„Я отдаю и жизнь свою“...
Рѣчами страстными объята,
Дрожитъ красавица предъ нимъ:
„Тебя люблю“...
„О я любимъ!“...
„Мы любимъ!“...
Дальше дѣло свата.
Въ кругу родныхъ переговоры:
И соглашенія, и споры.
Къ вѣнцу красавицу ведутъ,
И стихъ Исаіи поютъ...
И мужъ съ женою поселились
Въ веселомъ домикѣ вдвоемъ.
Играли, пѣли, веселились,
Старались помогать во всемъ
Другъ другу, какъ два голубка,
Имъ не наскучило пока.
А скучно было—выѣзжали,
Родныхъ частенько навѣщали.
Посланникъ другомъ былъ семьи
И навѣщалъ, по крайней мѣрѣ,
Въ недѣлю разъ ихъ по семи.
Онъ былъ богатъ. Его карьерѣ
Далекій видѣлся просторъ;
Былъ разсудителенъ и скоръ
Въ своихъ рѣшеніяхъ; и жаръ
(Посланникъ былъ довольно старъ)
Страстей пылалъ въ его груди:
Онъ вѣрилъ въ „счастье впереди“.
Евгеній Ножинъ былъ доволенъ
Его любезностью всегда
И вѣрилъ другу безъ труда,
Какъ вѣрятъ звону колоколенъ...
. . . . . .
. . . . . .

Digitized by Google

Но что же милая жена,
Все также въ Женю влюблена?
О нѣтъ, готовится измѣна...
Съ посланникомъ бѣжитъ она...
Ужели жизнь лишь только сцена?

Бродковская библіотека.

Теперь сижу я за столомъ въ библіотекѣ,
Одинъ... О благодать! И пахнетъ какъ въ аптекѣ.
То запахъ книгъ великихъ и старинныхъ;
Онѣ, какъ мертвецы, стоятъ на полкахъ длинныхъ.
О городъ мертвыхъ, кладбище талантовъ!
Какъ много васъ, какъ много фоліантовъ!
Я весь дрожу, смотря на васъ, и взоръ
Мой пламенѣетъ... Но проститъ мнѣ Богъ...
Безсиленъ я, не тронуть книгъ не могъ.
Я подошелъ, смотрю... Какой позоръ, позоръ!
Вотъ незабвенный и великій Гречъ.
Съ кѣмъ суждено тебѣ судьбою было лечь?
Съ какимъ нибудь географомъ Смирновымъ,
Иль съ ничего незначущимъ грамматикомъ
Петровымъ?
Вотъ полное собраніе Пруткова,
А рядомъ физика какого-то Щеглова;
Но запахъ физики дѣйствительно богатъ,
Похожъ на запахъ онъ казарменныхъ солдатъ.
Вотъ Вальтеръ Скоттъ; онъ въ русскомъ переводѣ.
Какъ трудно иностранцу жить по русской модѣ.
Ужъ лучше окрестить его по русскому обряду
И дать его на актѣ школьнику въ награду.
Я думаю, судьба и Вальтеръ Скотта та-жъ...
А рядомъ съ нимъ французъ съ заглавіемъ
„Voyage“...
Потомъ Erzelungen для маленькихъ дѣтей
И рядомъ „Жизнь извѣстнѣйшихъ людей“,
Плутарха. Такъ судьба распорядилась,
Чтобъ книжка для дѣтей съ Плутархомъ
помѣстилась.
А дальше книги par Apdré Thomás..
Ихъ много, кажется, ихъ цѣлые тома.

Digitized by Google

Потомъ Диксонъ „Борьба американскихъ расъ“,
Потомъ нѣмецкій календарь Рейхасъ.
А дальше Министерства Сообщенія Путей
Огромный фоліантъ. Его закрылъ скорѣй.
Онъ новъ совсѣмъ и видно, что не читанъ
И воровской традиціей порядочно пропитанъ.
А вотъ еще романъ изъ Турціи, Ксено...
Я здѣсь вздохнулъ и отворилъ окно.
„О тайны явныя турецкаго двора“...
Что сорвалось у автора съ пера!

. . . . . .

Оставлю грека, пусть его лежитъ,
Пусть не читается и мирно, мирно спитъ.
Вотъ Вѣстникъ Сѣверный, Журналъ Литературы...
Раскрылъ его, читаю: Помпадуры.
Но что жъ еще? Все Вѣстники, Журналы,
Ученые тома, что пишутъ генералы.
Съ трудомъ въ углу я Пушкина нашелъ.
Его не тронулъ я и съ миромъ отошелъ...
Спи, дорогой поэтъ, спи, дорогой писатель!
Твой миренъ сонъ, пусть будетъ онъ глубокъ!
Придетъ пора, придетъ и почитатель
И будетъ ворковать съ тобой, какъ голубокъ.

Къ Н. С. Р.

И съ каждымъ днемъ мнѣ Муза благосклонно
Отвѣты новые даетъ на мой вопросъ;
Они ярки и очень благовонны,
Они—букетъ тончайшихъ чайныхъ розъ.
И все, что вновь я о Бродкѣ узнаю,
Въ своей тетрадкѣ тотчасъ отмѣчаю,
И потому поймите, какъ сердечно радъ,
Что въ Васъ открылъ я драгоцѣнный кладъ.
Вы можетъ быть, минутами досуга,
Въ сообществѣ друзей и милаго супруга,
Разскажете о томъ, какъ прежде жили Вы?
Кто навѣщалъ Бродокъ? И часто-ль изъ Москвы,
Изъ Петербурга-ль пріѣзжали къ Вамъ?
Когда? И сколько разъ? И жили-ль по зимамъ?
Кто Васъ любилъ и былъ-ли кто влюбленъ
Въ того, кто въ фабрику и яхту погруженъ?

Digitized by Google

Въ того, кто по Бродку теперь съ ружьемъ гуляетъ
И, вмѣсто птицъ, бутылки разбиваетъ?
Все разскажите намъ; намъ будетъ всѣмъ пріятно
И весело, смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ занятно...
Простите, что я такъ и простъ, и откровененъ,—
Таковъ характеръ мой: принципъ мой неизмѣненъ.
Всегда я говорю открыто, отъ души...
Родился въ Костромѣ, а росъ въ лѣсной глуши.
Итакъ, надѣюсь я, что съ Божьей благодатью,
Вы намъ разскажете исторію Бродка.
На запись у меня легка рука,
А послѣ я займусь печатью...

Этимъ обращеніемъ я заканчиваю пока свои наброски. Мнѣ предстоитъ еще много набросать этюдовъ, прежде чѣмъ приступить окончательно къ картинѣ.

Пѣсня птичекъ.

(1-го мая).

Мы свободны, пѣли онѣ улетая;
Любимъ жизнь мы и созданы только для рая.
Для чего насъ томили и мучили люди
И слезами горючими наши наполнили груди?
И мы были въ плѣну у рабовъ;
И летимъ къ небесамъ, въ глубь лазурной пучины;
И съ собою несемъ много пѣсенъ кручины,
Много полныхъ отчаянья строфъ.

---

*

Будьте свободны, любвеобильны, могучи;
Будьте, какъ небо, съ открытой душою и ясны;
Жгите пороки, сверкая, какъ грозныя тучи;
Будьте съ желѣзною волей вождя—Моисея и властны.
Къ цѣли идите своей непреклонно и страстно;
Съ гнѣвомъ разбейте священныя людямъ скрижали;
Идоловъ свергнуть зовите всѣхъ громко и властно;
Въ подвигахъ будьте подобны алмазу и стали.

Digitized by Google

*

Не кручинься, милый, посмотри въ окошко;
Въ садъ оно выходитъ; тамъ играетъ солнце
И ласкаетъ листья серебристыхъ ивъ,
И румянитъ щеки темносинихъ сливъ;
На деревьяхъ птицы пѣсни распѣваютъ
И любовь, и счастье въ сердце навѣваютъ.

Подснѣжникъ.

Подъ оттаявшимъ снѣгомъ весной
Я увидѣлъ цвѣтокъ голубой,
И при свѣтломъ сіяніи дня
Онъ увлекъ красотою меня.
Словно неба упалъ уголокъ
Въ этотъ первый весенній цвѣтокъ;
И на полѣ безжизненномъ онъ
Былъ съ лазурью небесъ обрученъ.

---

*

Юноша, духомъ не падай,
Грусть изъ души изгони;
Въ сердцѣ отважномъ и въ горѣ
Не потухаютъ огни.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Я люблю тебя, мой добрый геній	5
Иногда великаномъ кажусь я себѣ	—
Есть одно слово, старинное, древнее слово	—
Пѣсня вакханки	6
Забыть мнѣ ее невозможно	—
Алмазъ	—
Вамъ не понять моихъ душевныхъ мукъ	7
О родная, мать моя родная!	—
Гдѣ она, моя звѣздочка ясная?	—
Скучно молодцу жить безъ пристанища	8
Пришелъ на могилу я къ милой своей	—
Какъ чудный перлъ, какъ дивный цвѣтъ	—
Томимый жаждою, усталый и больной	9
Пусть на сѣверѣ холодномъ	—
Молитва	—
Гдѣ ты, звѣздочка полуночная?	10
Я живу одной мечтою	—
Борцамъ	11
Послѣ первой весны	—
Я пойду гулять на просторъ луговъ	—
Я знаю скалу	12
Облака	—
Затуманилась погодушка	13
Дѣти, вы растете въ вѣкъ безумной злобы	—
Снилось мнѣ, будто ночью, одинъ	14
Сердце бьется неровно, тревожно	—
Скучно жить безъ жены молодой	15
Мрачныя думы мнѣ сердце томятъ	—
„Зачѣмъ ее я полюбилъ“?	—
Пѣсня для гитары	—
Пали вы жертвою	16
Грустный въ широкое поле отправился	17
Пѣсня (Ребятамъ)	18
Сонъ узника	19
Милый Пушкинъ, я тебя люблю	—
Дороженька	—

Digitized by Google

Стр.

Дѣти, вы полю подобны 20
Няня и дитя. . . . . —
Туманъ природы полонъ красоты. 21
Разсѣялся туманъ и образъ величавый . . . . . —
Что можетъ быть выше искусства? . . . . . —
Три егеря 22
Дружно, ребята, за мною шагайте . . . . . —
Встрѣча съ дьяволомъ. 23
Кузнецы 24
Бродокъ 27
Бродковская библіотека 43
Къ Н. С. Р. 44
Пѣсня птичекъ 45
Будьте свободны, любвеобильны, могучи. . . . . —
Не кручинься, милый, посмотри 46
Подснѣжникъ . . . . . —
Юноша духомъ не падай . . . . . —

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

PG 3470 .V4985 O5 1906 C.1
"Opavshie lepestki" /
Stanford University Libraries
3 6105 037 822 371

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

Digitized by Google

Digitized by Google

PG 3470 .V4985 O5 1906 C.1
"Opavshie lepestki" /
Stanford University Libraries
3 6105 037 822 371

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

Digitized by Google

Digitized by Google